

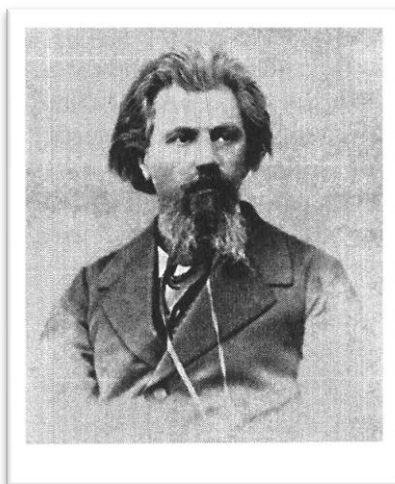
Граудина Л. К., Кочеткова Г. И.

Блестящая литературная шутка А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых

По мысли своих творцов, Козьма Прутков должен был оставаться лишь незначительной литературной шуткой... В ту мрачную и удручающую эпоху Козьма Прутков заставлял смеяться... Это был здоровый, уничтожающий и животворный смех.

Л. Шнитцер

Комическая литературная маска Козьмы Пруткова создана, как принято считать, в 1854 г. — именно тогда в юмористическом отделе журнала «Современник» были напечатаны первые басни, анекдоты и стихи-пародии под этим коллективным псевдонимом, который был придуман Алексеем Константиновичем Толстым и его двоюродными братьями — Алексеем Михайловичем и Владимиром Михайловичем Жемчужниковыми — при участии Александра Михайловича Жемчужникова. Первые же шаги в создании уникального в русской литературе образа вымышленного писателя относились к 1850 г., о чем рассказывал А.М. Жемчужников И.А. Бунину. «Мы, я и Алексей Константинович Толстой... жили вместе и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости в стихах. Потом решили собрать и издать эти глупости, приписав их нашему камердинеру Кузьме Пруткову». Братья жили тогда в имении А.К. Толстого под Петербургом — в Пустыньке. Они были в то время молодыми и весёлыми (Толстому — 33 г., А.Жемчужникову — 29 лет) и нередко для домашних спектаклей писали забавные пьесы, пародии и водевили. Это были остроумные игры, в результате которых в кружке братьев и возник образ чиновника и службиста, любившего заниматься виршеплетством.

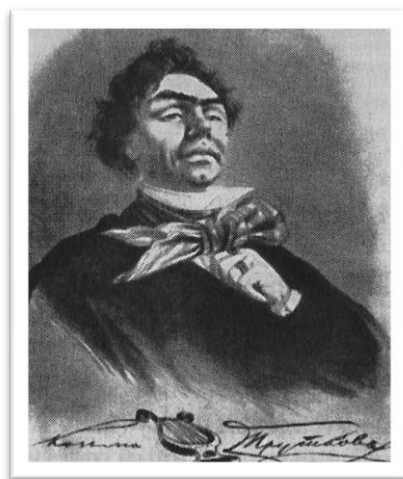
А. М. Жемчужников

Лишь со временем биография Пруткова была дорисована авторами в том виде, в котором мы ее знаем по изданию «Сочинения Козьмы Пруткова». Первое «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова» вышло только в 1884 г., уже после смерти одного из авторов — А. К. Толстого. Над подготовкой издания Жемчужниковы работали много лет. Успех был чрезвычайным — книгу раскупили моментально. До 1916 г. сочинения Пруткова переиздавались еще десять раз; книга и до сих пор пользуется заслуженным успехом и всеобщим признанием.

Работая над образом Козьмы Пруткова, авторы создали его полную биографию с датами жизни и смерти: родился 11(23). IV. 1803, деревня Тентелевая близ Сольвычегодска — умер 13(25). I. 1863, Петербург. Приписали ему и предков, и потомков, а при жизни служил Козьма три года в гусарском полку (вспомним его знаменитый афоризм: «Если хочешь быть красивым, поступай в гусары»), затем 40 лет до самой кончины — в Пробринной палатке. Перу Козьмы Пруткова приписаны и драматические произведения (комедия, драмы, оперетта, мистерия и т.д.), и знаменитый «Проект: о введении единомыслия в России», и «Плоды раздумья: мысли и афоризмы», пользующиеся успехом и по сей день. Не меньше половины из плодов раздумий вошло в состав крылатых слов и изречений: *Смотри в корень!; Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь!; Принимаясь за дело, соберись с духом; На дне каждого сердца есть осадок; Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить; Не все стрижи, что растут; Смотри вдаль — увидишь даль; Смотри в небо — увидишь небо; Взглянув в маленькое зеркальце, увидишь только себя; Если хочешь быть счастливым, будь им; И устрица имеет врагов!; Усердие все превозмогает; В спертom воздухе при всем старании не отдышишься* и мн. др.

В предисловии к книге Козьма Прутков написал: «Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!..». Так что стихотворений в разделе «Досуги и пух и перья» Козьма Прутков написал немало.

В.М. Жемчужников в письмах к А.Н. Пыпину подчеркивал личные черты Козьмы Пруткова, которые авторам казались ведущими: «Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России он пишет “прожекты”...».

КОЗЬМА ПРУТКОВ

С литографии Л. М. Жемчужникова, А. Е. Бейдемана и Л. Ф. Лагорио, 1853—1854 гг.

Козьма Прутков усердно подражал тем поэтам, которые ему казались великими, и над творчеством которых веселым авторам хотелось подшутить. Появились незабвенные пародии. По поводу этих пародий в журнале «Современник» за 1854 г. № 6 было опубликовано «Письмо известного Козьмы Пруткова к неизвестному фельетонисту «С.-Петербургских ведомостей» (1854 г.) по поводу статьи сего последнего». Козьма Прутков пояснял: «Ты утверждаешь, что я пишу пародии? Отнюдь!.. Я совсем не пишу пародий! Я никогда не писал пародий! Откуда ты взял, будто я пишу пародии?! Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; этот анализ привел меня к синтезису; ибо дарования, рассыпанные между

другими поэтами порознь, оказались совмещенными все во мне едином!.. Прийдя к такому сознанию, я решил писать. Решившись писать, я пожелал славы. Пожелав славы, я избрал вернейший к ней путь: *подражание* именно тем поэтам, которые уже приобрели ее в некоторой степени. Слышишь ли? — “подражание”, а не пародию!.. Откуда же ты взял, будто я пишу пародии?!... Между моими произведениями, напротив, не только нет пародий, но даже не все подражание; а есть настоящие, неподдельные и крупные самородки!..». К таким «самородкам», конечно же, относятся стихотворение «Мой портрет», открывающее весь раздел стихотворений Пруткова и написанное А. К. Толстым:

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг¹;
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого волосы подъяты в беспорядке, —
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай: это я!

Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, —
Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

Великолепный мастер язвительной пародии, А.К. Толстой высмеял здесь самовлюбленного рифмоплета, мнящего себя гениальным поэтом-романтиком, не понятым толпою. Основное средство ной пародии — подражание пустопорожнему романтическому слогу с гротесковым преувеличением его стилистических особенностей. В словесном автопортрете Пруткова рисуется нагой человек с шаткой походкой, «вопиющий» и дрожащий «в нервическом припадке»... Тогда как в воображении читателя этот образ сразу же сопоставляется с известным литографическим портретом Козьмы Пруткова (кисти А.Е. Бейдемана и Л.Ф. Лагорио), на котором он выглядит самовлюбленным зазнайкой, чиновником Пробринной палатки с претенциозно подвязанным шарфом вместо бабочки. Комичность пародии достигается методом доведенного до абсурда изображения нелепых и несообразных деталей, преподносимых «поэтом» в высоком стиле: лоб «мрачней туманного Казбека», «волосы подъяты в беспорядке»; в устах «спокойная улыбка, / В груди — змея!» Чрезмерность преувеличения, совмещение резких контрастов достигает в этой пародии утрированно-иронической формы и высочайшей художественной остроты.

Особенно удачными были литературные пародии на тех поэтов, которые в 30—50-е годы были весьма популярны и, казалось бы, занимали видное место в ряду литераторов своего времени, но по эстетическим и общественным взглядам, по стилистическим особенностям своего творчества вызывали к себе критическое и насмешливое отношение авторов «Козьмы Пруткова». Можно привести иллюстрации самых ярких стихотворных «портретов» из этой серии.

Вот, например, **Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807— 1873)**. Наряду со своей стихотворной деятельностью, он был еще и вполне исполнительным чиновником по гражданской части, занимавшим должность директора банка. Мимо этой детали авторы маски Козьмы Пруткова не могли пройти и написали пародию «Шея» с посвящением: «Моему

сослуживцу г. Бенедиктову». Предварительно следует сказать об оценке творчества В.Г. Бенедиктова нашими современными критиками. Так, С.Б. Рассадин, выпустивший небольшой сборник стихотворений поэта² в 1999 г., в аннотации писал: «Мало кто из замечательных русских поэтов испытал при жизни такую любовь публики — и ни один из них не подвергся такому несправедливому разгрому. Презрительное словцо “бенедиктовщина” как синоним безвкусицы, вошедшее в обиход с тяжелой руки Белинского, преследует его до сих пор, и этот сборник намерен опровергнуть расхожее мнение». С.Б.Рассадин вспомнил в предисловии о «самой броской, шумевшей, игривой» пародии Козьмы Пруткова на стихотворение Бенедиктова «Кудри» (1835). Приведем наиболее выразительные фрагменты из него:

КУДРИ

Кудри девы — чародейки,
 Кудри — блеск и аромат,
 Кудри - кольца, струйки, змейки,
 Кудри — шелковый каскад!
 Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
 Пышно, искристо, жемчужно!
 Вам не надобен алмаз;
 Ваш извив неуловимый
 Блещет краше без прикрас,
 Без перловой диадемы;
 Только роза - цвет любви,
 Роза — нежности эмблема —
 Красит роскошью эдема
 Ваши мягкие струи.

Мы, смущенные, смотрели, —
 Сердце взорами неслось,
 Ум тускнел, уста немели,
 А в очах сверкал вопрос:
 «Кто ж владелец будет полный
 Этой россыпи златой?
 Кто-то будет эти волны
 Черпать жадною рукой?
 Кто из нас, друзья-страдальцы,
 Будет амвру их впивать,
 Навивать их шелк на пальцы,
 Поцелуем припекать...

В пародии Козьмы Пруткова использованы все самые броские стилистические краски этого стихотворения, но они соединены с контрастными бытовыми деталями низменного и повседневного (не поэтического) содержания. Напомним пародию:

ШЕЯ

Шея девы — наслажденье;
 Шея — снег, змея, нарцисс;

Шея — ввысь порой стремленье;
 Шея — склон порою вниз.
 Шея — лебедь, шея — пава,
 Шея — нежный стебелек;
 Шея — радость, гордость, слава;
 Шея — мрамора кусок!..
 Кто тебя, драгая шея,
 Мощной дланью обоймет?
 Кто тебя, дыханьем грея,
 Поцелуем пропечет?
 Кто тебя, крутая выя,
 До косы от самых плеч,
 В дни июля огневые
 Будет с зоркостью беречь...

Удачно выбран по контрасту «объект восторга» — шея как конкретная часть тела, которая в отличие от традиционных явлений и «предметов» восхищения поэтов (глаза, кудри, стан, облик, краса и т.д.) обычно не привлекает внимания. В качестве «украшающих» приложений — существительных к слову шея избраны стилистически и понятийно несовместимые, пустые и вычурные метафоры «шея-снег, змея, нарцисс», «шея — радость, гордость, слава», «шея — мрамора кусок!..». Внешние черты художественного приема Бенедиктова уловлены и повторены. Комизм этих строк создается за счет полного отсутствия **внутреннего** разумного и художественного содержания. Как писал В. Пропп, «пародия представляет со бой *средство раскрытия внутренней несостоятельности* того, что пародируется»³.

Критики творчества Бенедиктова обращали особое внимание на язык и отмечали все «нелепые», как писали, выражения типа «прелестная сердцегубка», «пирная ночь», «грудные волны», «жажду гонимый человек... взмечется» и т.д. Я.П. Полонский приложил к посмертному собранию его стихов «Алфавитный список слов, сочиненных В.Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях». В этом списке насчитывалось более 140 слов. Пародисты любили сатирически осмеивать необычные метафоры Бенедиктова. Не упустили такой возможности и авторы Козьмы Пруткова. В пародии «Шея» были использованы языковые и стилистические «несовместимости»: «Кто тебя, *драгая шея/Мощной дланью обоймет?*; «Кто тебя, *дыханьем грея, /Поцелуем пропечет?*; «Кто тебя, *крутая выя... / Будет с зоркостью беречь ...»* и т.д. Как отмечал литературовед С.Б. Рассадин, В.Г. Бенедиктова критики «били — за *бессодержательность*».

Особое внимание привлекают и другие литературные пародии, которые написаны авторами Козьмы Пруткова на поэтов славянофильского и антологического направления.

Одно время А. К. Толстой был дружен с И. С. Аксаковым и славянофилами, а в 50-е годы стал даже постоянным сотрудником «Русской беседы». Но через несколько лет он идейно разошелся с приверженцами всего исключительно славянского: поэту претили националистические идеи славянофильских публицистов и философов. Основными вехами формирования эстетики славянофилов как некоторой теоретической программы были статьи поэта и философа А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова. А. С. Хомяков полагал, что «искусство истинное есть живой плод жизни, стремящейся выразить в неизменных формах идеалы, скрытые в вечных изменениях». Как писал Герцен, «экзальтированные славянофилы

накинулись с остервенением на весь петербургский период, на все, что сделал Петр Великий, и, наконец, на все, что было европеизировано, цивилизовано».

А. К. Толстой не был ортодоксальным западником, но и крайних форм антизападничества он не воспринимал. Поэтому в поэзии все всплески и вспышки славянофильских настроений вызывали у А. К. Толстого, так же как у его собратьев по созданию маски К. Пруткова, насмешливое отношение. Одна из наиболее интересных пародий на стихотворение А. С. Хомякова «Иностранка» (1832) — яркое тому свидетельство. Пародия на это стихотворение под названием «В альбом красивой чужестранке» была впервые опубликована в журнале «Современник» (1854, № 3). В тетради 1859 г. имеется подзаголовок «От Славянофила». В экземпляре «Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова» (1884) В. Жемчужников сделал характерное ироническое примечание. Процитируем его: «Это патриотическое стихотворение написано, очевидно, по присоединении Козьмы Пруткова к славянофильской партии, под влиянием Хомякова, Аксаковых и Аполлона Григорьева»⁴.

Несколько слов о стихотворении А. С. Хомякова «Иностранка». Оно обращено к красавице-фрейлине императрицы Александре Осиповне Россет — женщине из рода обрусевших итальянцев, очень образованной, умной, страстно увлекавшейся искусством и поэзией. Ей в альбом писал стихи А. С. Пушкин, не обходил вниманием Н. В. Гоголь... Влюбился в нее и друг А. С. Хомякова — Александр Кошелев, но без взаимности. А. С. Хомяков написал стихотворное послание «Иностранка» в утешение своему другу, несчастному влюбленному. Мотив утешения — сугубо славянофильский. Обратите внимание:

ИНОСТРАНКА

Вокруг нее очарованье;
 Вся роскошь юга дышит в ней,
 От роз ей прелесть и названье;
 От звезд полудня блеск очей.
 Прикован к ней волшебной силой,
 Поэт восторженный глядит;
 Но никогда он деве милой
 Своей любви не посвятит.

Пою ей песнь родного края;
 Она не внемлет, не глядит.
 При ней скажу я: «Русь святая» —
 И сердце в ней не задрожит.
 И тщетно луч живого света
 Из черных падает очей —
 Ей гордая душа поэта
 Не посвятит любви своей.

Уместно тут же привести и пародию Козьмы Пруткова:

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ
 Написано в Москве

Вокруг тебя очарованье
 Ты бесподобна. Ты мила.
 Ты силой чудной обаянья
 К себе поэта привлекла.
 Но он любить тебя не может:
 Ты родилась в чужом краю,
 И он охулки не положит,
 Любя тебя, на честь свою.

В основе структурной формы этой пародии лежат три семантических комплекса. В первой части пародии, как и в оригинале, представлен набор комплиментов красавице (*бесподобная, милая, обаятельная*)... Причем, сравните: первая строка (*Вокруг тебя очарованье*) почти дословно повторяет первую строку пародируемого стихотворения.

Во втором семантическом комплексе выражено шаржированное преувеличение основной славянофильской идеи (свое — чужое): *Но он любить тебя не может: Ты родилась в чужом краю*. В третьей части формулируется язвительное обоснование причины дискредитации, чем же именно унижается достоинство поэта. В ироническом доводе (*он охулки не положит /Любя тебя, на честь свою*) кроется едкий упрек: поэт, влюбившись в чужестранку, не может и не должен себя таким образом опорочивать, выставляя случившееся в неблагоприятном свете. Здесь выражен, как справедливо отметил С. Б. Рассадин, «патриотизм дуболомно-прямолинейный, и сама любовь диктуется — или не диктуется — такими же соображениями»⁵.

Еще одна яркая пародия, названная «Родное» (опубликована впервые в «Полном собрании сочинений» за 1884 г.), была направлена против восторженного, иногда экзальтированного отношения славянофилов ко всему «родственному» и «народному». Процитируем фрагменты из этой пародии.

РОДНОЕ

Отрывок из письма И.С. Аксакову

В борьбе суровой с жизнью душевной
 Мне любо сердцем отдохнуть;
 Смотреть, как зреет хлеб насущный
 Иль как мостят широкий путь.
 Уму легко, душе отрадно...

Люблю подсесть подчас к старухам,
 Смотреть на их простую ткань.
 Люблю я слушать русским ухом
 На сходках родственную брань.
 Вот собралися: «Эй ты, леший!
 А где зипун?» — «Какой зипун?»
 «Куда ты прешь? знай, благо, пеший!»
 «Эк, чертов сын!» — «Эк, старый врун!

И так друг друга, с криком вящим,
Язвят в колене восходящем.

Здесь ироническая насмешка граничит с сарказмом и реализуется в форме развернутого контекста. Осмеивается мания почитать за «родное» и «любимое» все вокруг себя, с чем можно встретиться на родине, и даже склонность малообразованной, плохо воспитанной и невежественной части населения к грубой, непристойной и оскорбительной брани.

Творческое воссоздание комического в пародиях в особенности удавалась авторам Козьмы Пруткова в жанре антологических стихотворений. Сложная и тонкая материя антологических произведений, написанных поэтами-антологистами по законам воображаемой античной красоты в очень конкретном, своеобразном и оригинальном ее воплощении, давала большие возможности для создания контрастных форм, противоречащих возвышенному античному содержанию.

Многие пародии этого типа были написаны на сборник «Греческие стихотворения Николая Щербины» (Одесса, 1850). Современниками стихотворения на греческие темы иногда воспринимались как однообразные и весьма далекие от актуальных вопросов русской общественной жизни. Поэтому читатели смеялись по поводу пародий на греческие темы с большим удовольствием. К пародиям этого типа относятся такие создания Козьмы Пруткова, как «Письмо из Коринфа» (опубликовано в «Современнике», 1854, № 2); «Древний пластический грек» («Современник», 1854, № 4); «Философ в бане» («Современник», 1860, № 3); «Новогреческая песнь» (впервые опубликована в 1884 г.) и др. А. М. Жемчужников сочинил пародию «Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви» («Современник», 1854, № 2) на стихотворение Ап. Майкова «Аспазия». В стихотворном плане пародия построена как ответ на это стихотворение. Приведем фрагмент из «Аспазии» Майкова:

...Как девочка, люблю, томлюсь и плачу я.
Все позабыто: блеск, правленье, государство,
Дела, политики полезное коварство
И даже самые лета. Но впрочем, нет.
У женщин для любви не существует лет.
Хоть, говорят, глупа последней страсти вспышка,
Пускай я — женщина, а он мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы самой любить
И в неге пламенной сгорать и наслаждаться, —
Нет, счастьем его дышать и любоваться
И в нем неопытность к блаженству приучить.

Ответ молодого человека под пером грубого и тупого чиновника — Козьмы Пруткова построен так, чтобы противопоставить чувствам «греческой старухи» откровенную оценку ее «прелестей». Вот фрагмент из пародии:

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХЕ
Если б она домогалась моей любви

Подражание Катулле

Отстань, беззубая!.. Твои противны ласки!
 С морщин бесчисленных искусственные краски,
 Как известь, сыплются и падают на грудь.
 Припомни близкий Стикс⁶ и страсти позабуди!
 Козлиным голосом не оскорбляя слуха,
 Замолкни, фурия!.. Прикрой, прикрой, старуха,
 Безвласую главу, пергамент желтых плеч
 И шею, коею ты мнишь меня привлечь!

В этой пародии используется прием подчеркнутого комизма контраста. Как считают исследователи комического, «смех вызывают несоответствия, которые вскрывают отклонения от нормы»⁷. В «Аспазии» Майкова опоэтизирована возвышенная сторона необычной влюбленности постаревшей женщины, и это чувство выражено в элегических и романтических выражениях: *люблю, томлюсь и плачу я; в неге пламенной сгорать и наслаждаться; счастьем его дышать и любоваться* и т.д. Тогда как в пародии, напротив, выделены, обрисованы в откровенно сниженных выражениях физические недостатки влюбленной: *беззубая фурия; с бесчисленными морщинами; с козлиным голосом, безвласой главой, пергаментом желтых плеч* и т.п. Внешние отрицательные черты биологического характера нарушают наши представления о гармонии отношений с точки зрения общих законов природы.

В таком же сатирическом духе авторами Козьмы Пруткова была написана драматическая сцена из древнегреческой классической жизни в стихах под названием «Спор древних греческих философов об изящном» (впервые опубликована в «Современнике» за 1854 г., № 2). В этой маленькой комедии были пародированы фрагменты из стихотворений на античные темы Щербины, Майкова, Фета и других антологистов. Интересно, что даже и в конце XIX в. (в 1896 г.) эта комедия исполнялась в любительском театре, устроенном А. Блоком в Шаховском.

По сей день привлекают знаменитый комизм шуток Козьмы Пруткова, блистательность и великолепие афоризмов, утонченность и рельефность литературных пародий, как и сатирическая поэзия создателей маски Козьмы Пруткова.

Источник: Граудина Л. К. Русское слово в лирике XIX века. 1840-1900: учеб. пособие / Л. К. Граудина, Г. И. Кочеткова. – М.: Флинта : Наука, 2010. – С. 440-453.

¹ Вариант: «На моем фрак». Примеч. К. Пруткова.

² *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения / Сост., предисл. и послесл. С.Б. Рассадина. М.: Текст, 1999.

³ *В. Пропп.* Проблемы комизма и смеха. М., 1999.

⁴ См.: Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1959. С. 377.

⁵ *Рассадин Б.С.* Жаворонок и орел // А.С. Хомяков. Стихотворения / По- слесловие М., 2000. С. 142.

⁶ Стикс (греч. миф.) — река, окружающая царство мертвых.

⁷ См.: *Пропп В.* Проблемы комизма и смеха. М., 1999. С. 52.